

В.С. Автономов

НИУ «Высшая школа экономики»; ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, Москва

С точки зрения экономиста...

Аннотация. Опубликованная в этом разделе статья В.В. Радаева очень интересна для тех, кто занимается историей и методологией экономической науки. Взгляд на нашу дисциплину со стороны лидера отечественной экономической социологии (наиболее близкого к экономистам направления общественных наук) и, к тому же, профессионального экономиста позволяет разглядеть в ней то, что труднее заметить нам самим. Здесь важны и общие черты, и различия. Подчеркивается важное значение неоднородности экономической науки, ее эволюции с момента возникновения до наших дней. Выделяется роль, которую играет в экономической науке так называемый мейнстрим. Обсуждается вопрос о современном этапе кризиса социальных наук, характеризующийся манипуляциями человеческим поведением со стороны государств и частных платформ посредством искусственного интеллекта. Выражается сомнение в том, что эти важные явления могут привести к закату общественных наук как таковых.

Ключевые слова: *экономическая теория, новая экономическая социология, кризис социальных наук.*

Классификация JEL: A12, A14, D01, Z13.

Для цитирования: **Автономов В.С.** (2025). С точки зрения экономиста... // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4 (69). С. 250–257.

DOI: 10.31737/22212264_2025_4_250-257

EDN: JXUDIX

Сопоставление наук: к каким выводам приводит?

Я совершенно согласен с В.В. Радаевым в том, что у экономической и социологической наук есть общий объект исследований – поведение человека в обществе, а их наиболее существенное различие заключается в подходах к моделированию действий человека. Здесь я бы обратил внимание на позицию некоторых советских философов, проводивших различие между объектом и предметом наук. Предмет выделяется из объекта путем наложения на последний онтологических предпосылок данной науки, в первую очередь моделей человека, которые в каждой науке – свои (Автономов, 2020).

Автор статьи совершенно прав, с горечью отмечая, что эгоцентричные экономисты не склонны уделять внимания тому, что делают ближайшие соседи – эконом-социологи. Мы, увы, не исключение и в этих заметках ограничимся тем, что происходило и происходит в нашей собственной, экономической, науке.

Представители других общественных наук, как и большинство самих экономистов, склонны считать экономическую науку неким монолитом, основанным на «граните собственного интереса» (выражение Дж. Стиглера) и опорах рациональности. Не случаен и титул экономики как «королевы общественных наук». Не случаен и тот факт, что лишь экономистам из числа всех обществоведов выдают каждый год премии памяти Нобеля. Опять-таки не случайно, что именно экономисты наиболее активны в навязывании сопредельным наукам (социологии, политологии, праву) своих методов исследования, основанных на модели максимизирующего целевую функцию человека и концепции равновесия. Это движение

получило название «экономического империализма», и главным его рыцарем, своего рода Сесилем Родсом при королеве Виктории, следует считать чикагского профессора Гэри Беккера. Однако, в отличие от Британской Империи, которая более ста лет сохраняла могущество, экономическая наука сама испытывала, хотя и не столь значительное, вторжение сопредельных дисциплин. Здесь наиболее известны успехи психологов, достижения которых были использованы в поведенческой экономике. В.В. Радаев подчеркивает влияние поведенческих экономистов на психологов, но это все-таки было потом. А сначала психологи Г. Саймон, Д. Катона, А. Тверски и Д. Канеман только приоткрыли дверь в экономическую науку психологическим идеям и инструментам. Дальнейшее сосуществование поведенческой экономики и мейнстрима (основного направления в экономической науке), на наш взгляд, можно назвать спором о методах, который в итоге привел к некоторому конструктивному синтезу (Автономов В., Автономов Ю., 2016).

Сопоставляя экономическую и социологическую науки, В.В. Радаев пишет, что «экономисты берутся за объяснение весьма сложных материй (формирование цен, движение финансовых потоков, и т.п.) и пытаются свести их объяснение в конечном счете к простым и обыденным основаниям, к логике здравого смысла и способам поведения обычных “средних” людей».

Здесь в первую очередь следует разделить экономистов-практиков и экономистов-теоретиков. Первые, действительно, ведут себя очень похоже на то, как это описал В.В. Радаев. О вторых, теоретиках, так уже не скажешь. Когда-то это, действительно, было так. Но, начиная с маргиналистской революции, экономическая теория заметно оторвалась от здравого смысла. Максимизация полезности — это не то, чем занимается обыватель на практике, а очень сильная абстракция его поведения. Да и фирмы, судя по неоднократным опросам, обычно не знают, что такое предельные издержки и предельная выручка, которые они должны приравнивать, чтобы получать максимальную прибыль.

Начиная 1970-х годов, ситуация еще больше изменилась. Например, в новой классической макроэкономике, которая несомненно относится к мейнстриму, редукция макро- к микро- приобретает очень диковинный вид. Вместо «обычного, среднего» человека здесь действует бесконечно живущий репрезентативный индивид, который определяет, чего он больше хочет — отдыхать или работать. Это его решение определяет динамику занятости и безработицы во всей экономике. Обсуждать проблему микрооснований макроэкономической теории здесь не место, но очевидно, что здесь модель человека удалась от реального человека на огромное расстояние.

При сравнении экономистов с социологами по степени успешности и влияния на политику нам тоже не следует забывать о плюрализме в экономической науке. Одним из проявлений того прагматического поворота в общественных науках, на который справедливо указывает В.В. Радаев, является перераспределение студентов западных университетов с экономических факультетов в бизнес-школы, школы финансов и школы менеджмента. Причина, видимо, заключается именно в повышенной абстракции современной экономической теории. Американские и западноевропейские студенты, окончив экономический бакалавриат, поступают в бизнес-школы и школы финансов и там, избежав теоретического засушивания мозгов в магистратуре и аспирантских программах,

получают навыки зарабатывания денег. На программы PhD в ведущие западные университеты идут в основном иммигранты из Китая, Индии и других стран, которые готовы сделать ставку на свое усердие и математическую подготовку.

Более внимательный и дотошный взгляд на историю экономической науки, дает, как нам кажется, основания, для того чтобы уточнить тезисы, сформулированные нами в этом разделе.

Исторический экскурс

В период формирования самостоятельной экономической науки (в середине и конце XVIII в.) происходила конкуренция нескольких различных проектов экономической науки, лишь одним из которых был проект физиократов и А. Смита (Ананьин, 2023). Но и после становления классической политической экономии (добавим, в разных вариантах – английском, французском, немецком и др.) монолитности не наблюдалось. Например, отметим существование двух канонов, различающихся по степени абстрактности анализа (Райнерт, 2024; Автономов, 2020, с. 399–423). Из них только первый, более абстрактный, ориентирующийся на естественные науки (классическая политическая экономия, неоклассика – классический представитель Д. Рикардо), укладывался в рамки того представления об экономической науке, которое мы упомянули выше и из которого исходит автор статьи.

Но на протяжении всего существования экономической науки существовал параллельный, менее абстрактный канон, – классическим представителем которого можно назвать Ф. Листа. Я называю этот канон Вторым, но не по времени возникновения – здесь он как раз был первым, а по значению в рамках экономической науки. Он был гораздо ближе к другим общественным наукам, в первую очередь к социологии (к нему принадлежали, в частности, историческая школа и институционализм). Там и собственный интерес, и рациональность выглядели не столь несокрушимо, они сосуществовали с иными видами мотивации и дополнялись привычным и аффективным поведением. Выбор между строгостью и реалистичностью (*precision or truth*) – этими двумя канонами – делался разный, но ни один из них не мог полностью вытеснить своего антагониста за рамки экономической науки. Дело в том, что между канонами существовало своего рода разделение труда: они решали различные задачи. Например, доказать возможность согласованного равновесия всех рынков было задачей Первого канона, а исследовать феномен предпринимательства – задачей Второго канона. Не случайно Й. Шумпетер в своей «Истории экономического анализа» называет среди частей экономической науки и теорию, и экономическую социологию (Шумпетер, 2001, т. 1, с. 17–25). Сферой бытования Второго канона со временем стали скорее не экономические факультеты, а школы бизнеса, в которых давно процветал тот прагматический поворот, о котором пишет в своей статье В.В. Радаев.

Это странное слово «мейнстрим»

Привилегированный статус, которым пользуется экономическая наука среди своих соседок, во многом объясняется существованием в ней так называемого мейнстрима – господствующего направления, диктующего от имени всего научного сообщества методы и приемы экономического исследования. Очень часто понятию мейнстрима придается содержательный характер и он отождествляется с неоклас-

сической теорией. На наш взгляд, этот термин имеет формальный характер, он принадлежит к области социологии науки и обозначает только господствующую позицию в рамках данной дисциплины. История нашей науки показывает, что состав мейнстрима не является постоянным, из него можно выпасть, как это случилось с кейнсианской теорией в 1970-е годы, в него можно войти, как это удалось поведенческой экономической теории несколько позже (Автономов В., Автономов Ю., 2016). Кроме мейнстрима в экономической науке существуют и гетеродоксальные течения (часто, но не исключительно принадлежащие ко Второму канону). Некоторые из них могут быть со временем интегрированы в мейнстрим.

Рассуждать о мейнстриме в экономической науке с полным основанием можно, очевидно, начиная с формирования научного сообщества экономистов в результате маржиналистской революции. Но наиболее интересные, и даже загадочные изменения, в его составе стали происходить именно в период после кризиса 1973–1974 гг., на который обращает особое внимание В.В. Радаев. Здесь, насколько мы можем судить, процессы в экономической науке отличались от того, что происходило в социологии. Выделим здесь два периода существования мейнстрима: гомогенизации и гетерогенизации. В первый период распадается «великий синтез» неоклассики и кейнсианства, господствовавший на протяжении трех послевоенных десятилетий, который привел западную экономику к сравнительно гладкому развитию без глубоких спадов, а экономическую науку — к наивысшему престижу за всю историю ее существования.

В этом синтезе за антикризисную политику отвечало именно кейнсианство. Не случайно оно и было изгнано за пределы мейнстрима в эпоху, когда инфляция и стагнация сочетались непредвиденным кейнсианцами образом. Получился некоторый парадокс: на фоне резкой критики экономической науки за «формальность» остракизму подверглась как раз более конкретная ее часть, а более абстрактная и формальная сохранилась и укрепилась. В ее ведение перешла и область макроэкономики, в которой произошла «революция рациональных ожиданий» во главе с Робертом Лукасом. В результате неоклассика охватила все основные области экономической теории — мейнстрим гомогенизировался. Но вскоре произошел обратный эмпирический поворот: усилилось внимание к историческим и экспериментальным данным и в мейнстрим попали новая институциональная теория и поведенческая экономика. Этот процесс можно назвать гетерогенизацией мейнстрима. В этом смысле экономическую науку тоже можно обвинить в «неспособности предъявить интегрированную аксиоматическую базу».

И здесь, видимо, экономисты присоединились к эконом-социологам, которые, как пишет Радаев, «начали сдвигаться в сторону политической экономики, возвращаясь от изучения отдельных рынков к теме капитализма в его обновляющихся формах. Как тут не вспомнить две последние Нобелевские премии по экономике, которые получили Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон и С. Джонсон в 2024 г. и Дж. Мокир в 2025 г.! Редчайший случай, когда два года подряд престижные премии получают представители одного направления экономических исследований, и какого направления: историко-институционального¹!

¹ Правда, Д. Аджемоглу можно причислить к ним лишь в одном аспекте его многогранного творчества.

Наши общие тревоги

В.В. Радаев совершенно справедливо характеризует современный период как разброд и шатания в области общественных наук. Один из недавних примеров: последняя ежегодная конференция Европейского общества истории экономической мысли, проходившая в 2025 г. в Турине, называлась «Это конец экономической науки в том виде, в каком мы ее знаем?».

Важную роль в этих сомнениях сыграла так называемая «революция достоверности» (Angrist, Pischke, 2010; Капелюшников, 2018), призвавшая прикладных экономистов пользоваться стандартами естественнонаучных экспериментов и (в качестве побочного эффекта) породившая сомнения в нужности экономической теории как таковой, если ее может заменить техника эксперимента.

Но экономическая теория была и может быть разной. Угроза, исходящая от «революции достоверности», кажется, направлена не столько против теории вообще, сколько против теории, основанной на максимизации полезности. А сама эта теория пришла на смену классической политэкономии в результате радикальной перемены, получившей название маржиналистской революции. Именно она привела к профессионализации экономической науки, возникновению мирового научного сообщества экономистов, которые ранее работали на философских или юридических факультетах. Конечно, для успеха маржинализма важно было и применение дифференциального исчисления, которое вошло в обиход университетского образования как раз перед маржиналистской революцией. Математическая основа в эпоху позитивизма была важнейшим фактором успеха и престижа теории.

Итак, на место теории, описывающей взаимоотношения классов и наций, пришла теория, основанная на предпосылках об индивидуальном поведении. Но это не означает, что главным *предметом* маржиналистской теории было индивидуальное поведение экономических субъектов. Методологический индивидуализм маржиналистам был нужен не для объяснения индивидуального человеческого поведения, а для анализа спроса и предложения на рынках, поэтому у У.С. Джевонса были проблемы в переходе от теории индивидуального обмена к кривым спроса. У маржиналистов не было вопроса, нужны ли в экономической науке обобщения или достаточно описать индивидуальные данные. Возникла лишь проблема корректного перехода от вторых к первым.

Кстати, в экономической теории уже давно существуют так называемые агентно-ориентированные модели, где каждому субъекту задается своя целевая функция. Это сильно отличается от обычных неоклассических моделей, но теорией, тем не менее, является, и создает больше возможностей для проверки.

Если мы опасаемся упадка маржиналистской или неоклассической теорий в результате «революции достоверности», полезно будет вспомнить о взглядах одного из ее основателей. У. Ст. Джевонс в своей «Теории политической экономии» построил абстрактную теорию ценности, но писал, что в будущем будут доступны статистические и экспериментальные (подобные естественнонаучным) данные, на которые сможет опереться экономическая теория. Один из таких экспериментов он даже произвел сам. Так что «революция достоверности» отчасти продолжает идеи Джевонса.

Понимание теории экономистами эволюционировало и после маржиналистской революции. Так, теория общего равновесия Эрроу–Дебре похожа на реальность гораздо меньше, чем система линейных уравнений Вальраса, где уравнения представляют собой все-таки абстрактное отражение отраслевых рынков.

Современная макроэкономическая теория, основанная на так называемых микрооснованиях, опирается на своеобразное понимание теории — не как абстракцию реальности, а искусственную конструкцию, обладающую внешними свойствами, которые можно уподобить внешним свойствам экономической системы.

Надзорный капитализм

Но есть и более важный вопрос в современных дебатах о судьбе общественных наук, который находится в центре внимания В.В. Радаева. Речь идет о вступлении капитализма в новую стадию, когда поведение индивидуальных участников рынка все больше происходит в электронных сетях и начинает определяться внешним воздействием, если не манипуляцией, со стороны частных и государственных платформ. Р. Талер и К. Санстайн (Талер, Санстейн, 2018) определили эту ситуацию как «подталкивание» (nudge), а социологи — как «надзорный капитализм» (Зубофф, 2024). Таким образом, участники рынка теряют свой суверенитет, который образует неявную предпосылку экономической теории, прежде всего неоклассической. Как пишет В.В. Радаев, «свободный выбор во многом становится иллюзией, замещаясь предписанным выбором». Теория, действительно, может умереть, если люди потеряют свободу и станут безвольным и безгласным объектом манипуляций со стороны государств или частных платформ. Правда, мы можем вспомнить аналогичный пример — искажающее воздействие на потребительские предпочтения рекламы, описанное Дж.К. Гэлбрейтом в «Обществе изобилия» (Гэлбрейт, 2018). В том случае диагноз Гэлбрейта в итоге был сочтен преждевременным².

А если вспомнить еще более давний прогноз Шумпетера³: «Может ли капитализм выжить? Не думаю»? (Шумпетер, 1995). Шумпетер не любил социализма, но не видел, что может помешать его торжеству. Пожалуй, меньшинство (во главе с Ф. Хайеком) верило в иной исход, который и произошел. Не будем подробно описывать и марксистские пророчества грядущего обобществления, а также славную теорию общего кризиса капитализма. Говорю это без полной уверенности в том, что рынок и капитализм сохранят свой фундамент в прежнем виде. Но у рынка и капитализма явно есть корни в человеческой природе, которые пока не удастся вырвать даже самым ретивым обобществителям.

Разговор о «постсоциальных отношениях, которые постепенно заместят человеческие отношения», напоминает другую, уже подзабытую, дискуссию о постэкономическом обществе, которое придет на смену экономическому. А еще раньше (примерно в 1980–1990-е годы) в повестке дня было постиндустриальное общество. Действительно, сфера услуг количественно заняла место промышленности, и это многое поменяло, но самые радикальные прогнозы постиндустриалистов не оправдались.

² В разговоре с автором этих строк в 1987 г., когда в Москве проводился Международный форум «За безъядерный мир, за выживание человечества», а я был возле Гэлбрейта в качестве сопровождающего, он тогда сказал: «Да, государство мы переоценили».

³ Первоначально опубликовано в 1942 г.

Манипуляция выбором, которая делает жизнь более комфортной, поскольку освобождает человека от дополнительных усилий и бремени неопределенности с помощью искусственного интеллекта, основывается на данных о предыдущих выборах тех же самых субъектов, так что их предпочтения остаются во главе угла и лишь подправляются со стороны, если на это будет согласие самих выбирающих. Конечно, издержки излишнего выбора – вещь реальная, с ней мы сталкиваемся всякий раз, попадая в очень большой супермаркет. Однако вряд ли многие выберут возвращение к памятной большинству наших сограждан «более комфортной» ситуации ограниченного выбора. Может быть, перед лицом новых вызовов люди, движимые инстинктом самосохранения, предпочтут больше думать, хотя это и неприятно. Поэтому я не торопился бы делать вывод, что «на место “старой” индивидуальной рациональности, построенной на свободном выборе в пользу собственного интереса, приходит новая надындивидуальная рациональность, основанная на алгоритмических решениях» (Радаев, 2025).

Я не согласился бы и с тезисом, что «с усилением власти машин, попутно падает потребность в доверии к людям». Скорее наоборот: достаточно вспомнить огромный размах телефонного и интернетного мошенничества в наши дни. Люди часто выбирают на рынке электронные сайты и инструменты, если они связаны с людьми, которым они доверяют.

Смелые системные прогнозы очень важны для исследования цивилизационной динамики, они привлекают внимание к новым тенденциям, абсолютизируя их, но было бы неверно недооценивать великую силу инерции и адаптации. Именно благодаря им эта динамика не принимает вид линейного или экспоненциального прогресса, а чаще имеет форму колебаний.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Автономов В.С.** (2020). *В поисках человека. Очерки по истории и методологии экономической науки*. М., СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. [Avtonomov V.S. (2020). *In search of Man. Essays on the history and methodology of economics*. Moscow, St. Petersburg: Gaidar Institute for Economic Policy (in Russian).]
- Автономов В.С., Автономов Ю.В.** (2016). Общая теория «споров о методах» в экономической науке // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 5–20. [Avtonomov V.S., Avtonomov Yu.V. (2016). A general theory of methodenstreits in economics. *Social Sciences and Contemporary World*, 5–20 (in Russian).]
- Ананьин О.И.** (2023). Как возникла экономическая наука: конкурс проектов // *Вопросы экономики*, 3. С. 2–53. Doi: 10.32609/0042-8736-2023-3-5-23 [Ananyin O.I. (2023). How has economic science emerged: Competition of blueprints. *Voprosy Ekonomiki*, 3, 5–23 (in Russian).]
- Гэлбрейт Дж.К.** (2018). *Общество изобилия*. М.: Олимп-Бизнес. [Galbraith J.K. (2018). *The affluent society*. Moscow: Olimp-Biznes (in Russian).]
- Зубофф Ш.** (2024). *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. М.: Издательство Института Гайдара. [Zuboff S. (2024). *The age of surveillance capitalism*. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy (in Russian).]
- Капелюшников Р.И.** (2018). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // *Вопросы экономики*. № 5. С. 110–128. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-110-128 [Kapeliushnikov R.I. (2018). On current state

- of economics: Subjective semi-sociological observations. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 110–128. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-110-128 (in Russian).]
- Радаев В.В.** (2025). Экономическая теория, экономическая социология и грядущее пере-
краивание карты социальных наук // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4
(69). С. 250–257. [Radaev V.V. (2025). Economic theory, economic sociology, and the
upcoming redrawing of the social sciences map. *Journal of the New Economic Association*, 4
(69), 250–257 (in Russian).]
- Райнерт Э.** (2024). *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются
бедными*. М.: Издательский дом ВШЭ. [Reinert E. (2024). *How rich countries got rich...
and why poor countries stay poor*. Moscow: HSE University (in Russian).]
- Талер Р., Санстейн К.** (2018). *Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения
о здоровье, благосостоянии и счастье*. М.: Манн, Иванов и Фербер. [Thaler R.H.,
Sunstein C.R. (2018). *Nudge. The architecture of choice. Improving decisions about health,
wealth, and happiness*. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber (in Russian).]
- Шумпетер Й.А.** (1995). *Капитализм, социализм и демократия*. Пер. с англ. М.: Экономика.
[Schumpeter J.A. (1995). *Capitalism, socialism, and democracy*. Moscow: Ekonomika
(in Russian).]
- Шумпетер Й.А.** (2001). *История экономического анализа*. СПб.: Экономическая школа.
[Schumpeter J.A. (2001). *History of economic analysis*. St. Petersburg: Ekonomicheskaja
shkola (in Russian).]
- Angrist J.D., Pischke J.S.** (2010). The credibility revolution in empirical economics: How better
research design is taking the con out of econometrics. *Journal of Economic Perspectives*, 24,
2, Spring, 3–30.

Поступила в редакцию 17.11.2025

Received 17.11.2025

V.S. Avtonomov

National Research University "Higher School of Economics" (HSE University);
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

From an economist's point of view...

Abstract. The article by V.V. Radaev is very interesting for those who study the history and methodology of economics. A glance at our discipline from the side of the leader of Russian economic sociology (the branch of social sciences closest to economists) and, moreover, a professional economist, allows us to see in it what is more difficult for us to notice ourselves. The similarities and differences are important here. The heterogeneity of economic science and its evolution from the origin till our times are emphasized. The author discusses the role of the so called mainstream in economics. The article proposes a discussion of the modern period of crisis in social sciences characterised by manipulations of human behaviour by governments and private decline using the AI. The author doubts that these important phenomena could lead to the decline of social sciences as such.

Keywords: economic theory, new economic sociology, crisis of social sciences.

JEL Classification: A12, A14, D01, Z13.

For reference: **Avtonomov V.S.** (2025). From an economist's point of view... *Journal of the New Economic Association*, 4 (69), 250–257 (in Russian).

DOI: 10.31737/22212264_2025_4_250-257

EDN: JXUDIX